

ВОЙНАПРОТИВНАУКИ

THE WAR ON SCIENCE

RENOWNED SCIENTISTS
AND SCHOLARS SPEAK OUT
ABOUT CURRENT THREATS
TO FREE SPEECH, OPEN INQUIRY
AND THE SCIENTIFIC PROCESS

EDITED BY

LAWRENCE M. KRAUSS

ВОЙНА ПРОТИВ НАУКИ

ИЗВЕСТНЫЕ УЧЕНЫЕ
О СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗАХ
СВОБОДЕ СЛОВА,
НЕЗАВИСИМЫМ ИССЛЕДОВАНИЯМ
И НАУЧНОМУ ПРОЦЕССУ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ЛОУРЕНСА КРАУССА

Перевод с английского
Марии Елифёровой

издательство **АСТ**
Москва

УДК 001
ББК 72
К78

All rights reserved including the rights of reproduction in whole or in part in any form

Published by arrangement with THE VAN LEAR AGENCY LLC via RANDLE
LITERARY LIMITED

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Краусс, Лоуренс.

К78 Война против науки. Известные ученые о современных угрозах свободе слова, независимым исследованиям и научному процессу / под ред. ЛОУРЕНСА КРАУССА; пер. с англ. М. Елифёровой. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2026. — 304 с.

ISBN 978-5-17-182159-3

Сборник эссе под редакцией известного физика Лоуренса Краусса посвящен одной из самых острых проблем современной науки — давлению идеологии на академическую свободу в западных институтах. Ричард Докинз, Стивен Пинкер, Нил Фергюсон и их коллеги открыто заявляют об угрозе свободному поиску истины. Они анализируют, как культура отмены, политкорректность, цензура и идеологические догмы подрывают основы меритократии, научных исследований и образования.

УДК 001
ББК 72

ISBN 978-5-17-182159-3

- © Lawrence M. Krauss 2025
Individual essays © contributor's own 2025
Originally published in Great Britain by Forum, an imprint of Swift Press 2025
- © М. Елифёрова, перевод на русский язык, 2026
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2026
- © ООО "Издательство АСТ", 2026
Издательство CORPUS ®

Содержание

ЛОУРЕНС КРАУСС Вступление	9
--	---

ЧАСТЬ I

Свобода слова, виктимность
и идеология

РИЧАРД ДОКИНЗ

Научная истина выше человеческих чувств и политики	45
--	----

НИАЛ ФЕРГЮСОН

Предательство интеллектуалов	90
------------------------------------	----

АННА КРЫЛОВА И ДЖЕЙ ТАНЦМАН

Внимание: цензура в науке	103
---------------------------------	-----

ЧАСТЬ II

Идеологическая порча
научных дисциплин

ДЖОН АРМСТРОНГ

Как деколонизировать математику?	127
--	-----

ДЖЕРРИ КОЙН И ЛУАНА МАРОХА

Идеологический подрыв основ биологии	138
--	-----

САЛЛИ СЕЙТЕЛ

Доктор социальной справедливости: медицина под угрозой	172
--	-----

ЧАСТЬ III

Влияние бюрократии разнообразия,
равенства и инклюзивности на науку
в академическом мире
и за его пределами

АЛЕССАНДРО СТРУМИА

Пизанская башня из слоновой кости 191

РОДЖЕР КОЭН И ЭМИ УОКС

Разнообразие, равенство и инклюзивность в науке и медицине:
отсутствующие стандарты и критерии 210

ЧАСТЬ IV

Что делать?

ДОРИАН ЭББОТ

Наука и политика: три принципа, три притчи 237

СТИВЕН ПИНКЕР

План из пяти пунктов, как спасти университеты от самих себя 254

НИКОЛАС КРИСТАКИС

Как учить инклюзивности в разобщенном мире 263

РИЧАРД РЕДДИНГ

Деполитизация науки требует радикальной
реформы профессорско-преподавательского состава 265

ЛОУРЕНС КРАУСС Заключение 273

Примечания 275

Университетам нужно отбросить идею, будто они играют главную роль в нравственном воспитании.

ЛОУРЕНС САММЕРС, бывший президент
Гарвардского университета

Университет не имеет возможности искоренить “ненависть”, и это не должно быть его миссией.

ХИЗЕР МАКДОНАЛЬД,
политический комментатор

Наши аппаратчики продолжают творить обычную убогую кашу, именуемую Историей: мы можем только молиться, чтобы в ней все еще появлялись художники, повара и святые, дабы озарять ее.

УИСТЕН ХЬЮ ОДЕН, “*Высадка на Луну*”

Вступление

ЛОУРЕНС КРАУСС

Университеты и научные институты на Западе, к несчастью, перестали быть местами, гарантирующими свободный и открытый обмен идеями или стремление к научному прогрессу, не скованному идеологией.

Ученые, даже штатные сотрудники, теряют работу или подвергаются иным способам давления за то, что говорят или пишут, а студенты боятся задавать вопросы в аудитории, причем университеты нередко поощряют их сообщать о высказываниях, которые они считают оскорбительными.

Университеты создают обширные бюрократические системы под предлогом того, что обычно именуется “разнообразием, равенством и инклюзивностью” (РРИ). Эти системы никому не подчиняются и осуществляют надзор как над поведением, так и над речью. Ряд вопросов, начиная от различия между полом и гендером и кончая тем, заслуживает ли наука коренных народов этого названия, зачастую запрещено даже поднимать в аудитории или на научных конференциях.

Талант, лежащий в основе академического прогресса, теперь тоже ставится под вопрос в научной среде и научных институтах вообще. Квоты по признаку идентичности — как гендерные, так и расовые — навязываются при приеме

на работу и продвижении в академической среде по всему миру, невзирая на вопросы, как это может повлиять на научные достижения и до какой степени такие меры действительно нужны или вообще полезны. По большому счету так ли уж необходимо, чтобы состав исследователей и преподавателей в каждой дисциплине отражал демографию общества в целом, независимо от доступного ресурса начинающих талантов?

По мере того как университетские и правительственные программы РРИ ограничивают трудоустройство и продвижение только теми, чьи идеологические пристрастия совпадают с манифестами РРИ, ученые и администраторы все охотнее навязывают идеологию критической социальной справедливости в академической деятельности. Идея (которую бывший президент Гарвардского университета Лоуренс Саммерс критикует в эпиграфе этой книги), будто университеты должны играть роль в нравственном воспитании, всплывает вновь и берет реванш.

Сомнительные постмодернистские идеи, касающиеся объективных, доказательных исследований и эпистемологии, а в недавнее время — и критической социальной справедливости, некогда ограничивавшиеся маргинальными кафедрами, становятся теперь повсеместными и пробираются в мейнстрим, даже в образовательные программы по естественным и техническим наукам. Те, кого приняли на работу под лозунгом, что расизм и сексизм цветут в науке пышным цветом, обычно отражают это в своих исследованиях и преподавании. В результате научные дебаты часто пресекаются. Например, вопрос о том, отражают ли гендерные различия между областями науки скрытый сексизм или просто глубинные психологические или социологические различия интересов между полами, невозможно даже поднять спокойно во множестве университетов, как могут засвидетельствовать различные ученые, потерявшие работу или аффилиацию.

Один из наиболее пагубных аспектов этого нового вторжения идеологии в науку — представление, будто язык неотделим от насилия, а личная обида дает человеку особые права. Использование определенных слов объявлено вне закона в академической среде, правительстве и медиа, как если бы они были священными мантрами. Ученых и журналистов увольняют за использование не того слова, независимо от контекста. И еще тревожнее, что различные академические журналы теперь рекомендуют своим редакторам не принимать статьи, которые могут кого-то задеть, независимо от их обоснованности и потенциальной важности.

Для научного прогресса бурная диалектика жизненно необходима, особенно в естественных науках. Это подразумевает активные вопросы и открытые дебаты, а еще следует не просто терпеть возможность провокации или обиды — ее следует поощрять. Наука, вопреки популярным представлениям, — деятельность социальная, и она не может как следует функционировать, если идеи нельзя препарировать и даже подвергать нападкам. Только так можно отсеять слабые или неверные гипотезы.

В подобной среде страдают и студенты. Мало того, что они остаются без необходимого опыта критического мышления, но еще и существуют важные тематические области, которых ученые просто избегают, чтобы не вызывать конфликтов. Идея, что язык — своего рода форма насилия, создает дополнительное напряжение в аудиторном образовании. Создание “безопасных пространств”, где студентам не придется иметь дело с идеями и словами, внушающими им дискомфорт, лишь усугубляет его. Студентов нужно оградить от этих слов и идей любой ценой, и, что важнее всего, если кто-то особенно чувствителен к определенному слову или идее, то слишком часто всех окружающих тоже требуется ограждать.

На самом деле многочисленные исследования показывают, что в условиях этой эскалации студенты чувствуют

себя менее безопасно, уровень их тревожности растет и они склонны воздерживаться от открытых дискуссий в аудитории. В то же время мы наблюдаем поколение студентов, включая тех, что учатся в (как считается) элитных институтах, не обученное критически мыслить. Нынешний конфликт на Ближнем Востоке порождает резкие мнения и бурные страсти, но просмотр видео с некоторыми студенческими протестами в Колумбийском университете показал, что у них практически отсутствует критическое понимание того, против чего или за что они выступают.

По сути, университеты часто становятся враждебной рабочей и образовательной средой, как ни иронично, во многом потому, что университетская бюрократия, в превратно понятом стремлении идентифицировать и искоренить враждебную среду, создает политику гиперопеки, которая способствует чувству виктимности и создает климат конфликта и напряжения.

Несколько лет назад я писал, что одна из главных целей образования — вселять чувство дискомфорта. Только когда вы выходите из своей зоны комфорта, вы исследуете свои предрассудки и открываете такие истины об окружающем мире, которые в противном случае никогда не допустили бы в свое сознание. К несчастью, в текущем климате интеллектуальный комфорт становится в университетах скорее обязательным, чем недопустимым.

Нарождающаяся угроза науке и разуму просачивается за пределы увитых плющом стен в научные и правительственные институты, в промышленность. Некогда престижные научные журналы не только уделяют все больше места перепевам идеологии критической социальной справедливости, в некоторых случаях они цензурируют научные статьи, которые, по мнению редакторов, могут не отвечать этой идеологии, даже если представленные в них результаты неоспоримы! Как я сообщал недавно в *Wall Street*

Journal, анализ грантов показал, что американские агентства по финансированию науки типа Национального научного фонда и Национальных институтов здравоохранения тратили миллионы долларов на инициативы по социальной справедливости вместо того, чтобы выполнять свои обязанности по поддержке научных исследований. А главы этих организаций часто чуть ли не с гордостью заявляли, бездоказательно и только на основании демографических данных, что их собственным институциям присущ системный расизм. В то же самое время ряд подобных организаций требовал от потенциальных грантополучателей подчиняться определенным идеалам политики и социальной справедливости в рамках процесса выдачи гранта. Это вторжение идеологии в процесс финансирования науки особенно вопиюще.

Помимо прямой угрозы науке существовали и другие издержки, связанные с тем, что научные предприятия теряли ключевое финансирование, а ученые, вместо того чтобы заниматься наукой, вынуждены были тратить время на то, чтобы подгонять свои заявки под определенный диктат критической социальной справедливости. А на локальном уровне, как минимум для Запада, встает вопрос о научной конкуренции. Чтобы страны могли успешно конкурировать экономически в XXI веке, жизненно важно поддерживать естественные науки и технологии. Китай, Индия, Сингапур, Корея и множество других стран наращивают собственные научные предприятия, порой начиная обставлять Запад, ведь они не скованы этими идеологическими структурами.

Недавние события в США после избрания Дональда Трампа президентом изменили ландшафт федерального финансирования. Изданные указы требуют от финансирующих агентств удалить не относящиеся к делу программы в духе РРИ, а также требования к заявкам по грантам. Перемена очень благоприятная, и хотя некоторые агентства уже

подчинились, пока еще неясно, насколько это просочится вниз в академической иерархии.

Для прогресса науки и для научного здоровья нации и мира жизненно важно противостоять этим тенденциям. Первая ступень этого процесса — довести до осознания общественности, насколько тревожной становится ситуация. Хотя многие преподаватели и администраторы признают наличие проблем в высшем образовании и институтах, поддерживающих научные исследования, многие боятся говорить об этом вслух из-за возможных последствий для собственной карьеры.

Тем не менее потенциальные проблемы столь серьезны, а ставки столь высоки, что звездная группа выдающихся ученых, представителей широкого спектра дисциплин и носителей самого разнообразного опыта (включая и целый диапазон политических убеждений), согласилась составить этот сборник, где описываются текущие и нарождающиеся угрозы. Всех их объединяет общий интерес к противостоянию нынешним тенденциям, вредным для высшего образования, науки и разума. Некоторые из этих ученых подверглись “отмене” за свои утверждения или действия, другие наблюдают со стороны. Одни успешно добились перемен в собственных институтах, другие пока нет. Всех, однако, объединяет понимание: надо что-то делать. Они согласились отважно вступить на это минное поле, чтобы описать современные проблемы и в некоторых случаях указать возможные решения нынешней дилеммы идеологии, попирающей науку и разум в нашем обществе. Я аплодирую им за ясность и смелость, с какими они высказываются в наше время, и благодарю за время и силы, потраченные, чтобы написать об этом. Я предоставил каждому из них карт-бланш писать на темы, которые больше всего их волнуют в связи с областью их собственных интересов и компетенции и лишь слегка отредактировал статьи. Высказанные там взгляды при-

надлежат им самим. Поэтому настоящий сборник не монолитен. Он отражает разнообразие мнений по определенным вопросам, разные тревоги и разные точки зрения. Именно это отстаивают авторы данной книги, и именно это должно отражаться в функционировании наших университетов и учреждений, поддерживающих научные исследования.

Вас, читатель, я приглашаю сделать собственные выводы.

Эта книга состоит из разделов, соответствующих основным темам, в том числе свободы слова, виктимности и идеологии, идеологической порчи научных дисциплин, влияния политики РРИ и, наконец, мер, которые можно принять. Вместе они охватывают общий круг глубоких проблем современной войны против науки, учености и разума. В оставшейся части вступления я хочу дать краткий обзор этих вопросов с избранными примерами, чтобы обеспечить некоторое представление о том, что последует ниже.

Недавно я размышлял о контрасте между современной ситуацией и временем, когда я начал преподавать в Йельском университете в середине 1980-х. Естественно-научные кафедры Йеля располагались на так называемом Научном холме, однако разделение между ними и остальными частями кампуса в то время было не просто географическим. Те из нас, кто работал на естественно-научных кафедрах, порой ощущали себя бедными родственниками в университете, где правили бал знаменитые кафедры английского языка и истории, где обучалось большинство студентов Йеля.

В то время на нескольких гуманитарных кафедрах было в моде нечто под названием “деконструкционизм”, в особенности на кафедре английского. Отпрыск постмодернистских идей, связанных с именем Мишеля Фуко, деконструкционизм основывался на представлении, что ни в каком на-